

АНТОН
ДЕМЧЕНКО

ХОЛЬМГРАДСКИЕ
ИСТОРИИ

ЧЕЛОВЕК
ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
САМОЗВАНЕЦ
ПО ОСОБОМУ ПОРУЧЕНИЮ
БЕГЛЕЦ
ОТ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
ДЗ1

Серия «БФ-коллекция»

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

ДЗ1 Демченко, Антон Витальевич

Хольмградские истории: Человек для особых поручений. Самозванец по особому поручению. Беглец от особых поручений: сборник / Антон Демченко. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2017. — 864 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-100618-1

Из начала двадцать первого века — в конец века девятнадцатого. Да полно, а только ли отсюда туда? С каких это пор Новгород стал Хольмградом, да еще и столицей? А магия? Разве в нашем просвещенном девятнадцатом веке она была в ходу? Вопросы, вопросы... И интерес Особой канцелярии на закуску...

Спокойствие... Это слово, кажется, начисто отсутствует в слове бывшего офицера, не менее бывшего детектива и почти настоящего князя Виталия Родионовича Старицкого. Уважаемый директор серьезного учебного заведения, заводчик и титулованный дворянин... Судьба щедро одаривает его приключениями и вовсе не желает признать, что всякого рода авантюры попросту не приличествуют человеку его статуса. Но может, избавившись от груза обязанностей, непременно сопутствующих достигнутому положению, Виталий Родионович сможет отдохнуть от незавидной роли игрушки Рока?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100618-1

© Антон Демченко, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

ПРОЛОГ

Вас никогда не приносили в жертву? Нет? А вот меня пытались... Впрочем, почему пытались? Принесли. Со всеми ритуалами, призываниями Черного Козла (на кой там еще один, и так вокруг жертвенника от них не протолкнуться было?) и прочей мерзостью. М-да. Но абонент оказался временно недоступен, и я отправился на тот свет, так и не увидев кумира моих палачей.

На самом деле это сейчас вспоминать забавно, а тогда, помнится, страшно было до предела, причем больше, чем смерти, я боялся оказаться в гостях у того, кому меня замыслили в жертву принести. Вот такие выверты психики. А получилось... что получилось.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

ПРОСНУЛИСЬ ОТ БОЛИ? РАДУЙТЕСЬ — ВЫ ЖИВЫ!

Меня знобит. Тело будто ватное и трясется, как холодец в руках алкоголика. А еще жуткий холод продирает до костей, время от времени сменяясь жаром, испепеляющими волнами прокатывающимся по моим внутренностям. Сил нет даже на то, чтобы открыть глаза. А когда я вспоминаю жертвоприношение, пропадает и всякое желание осматриваться. Наваливается страх. Страх оказаться там, куда меня наладили чертовы сатанисты. Правда, сейчас он приглушенный, словно бы не свой, ватный, как и моя брэнная тушка, но и этих отголосков давешнего ужаса хватает, чтобы сердце зашлось истерической дробью, а, казалось бы, неподъемно тяжелые руки принялись шарить в поисках чего-нибудь, что может сгодиться для защиты.

— Ну-ну. Спокойней, голубчик, спокойней. — Глубокий баритон с типично «докторскими» интонациями, раздавшийся над ухом, слегка меня отрезвил. Вряд ли у дьявола, в его вотчине, есть необходимость изображать из себя домашнего доктора розлива одна тысяча девятьсот третьего года. — Незачем так метаться, молодой человек. Сейчас мы вам сделаем инъекцию, и вы поспите. А к утру будете как огурчик.

— В смысле, такой же зеленый и в пупырышках? — пробормотал я, чувствуя, как в руку входит игла.

— Ну раз вы уже способны шутить, волноваться не о чем. В том числе о цвете и фактуре вашей кожи. Спите. — Мой невидимый доктор хмыкнул, и я провалился в сон.

В очередной раз я проснулся от резкого толчка. Где-то что-то лязгнуло, раздался короткий свист, мое ложе качнулось, и я почувствовал движение. Поезд... И как я здесь оказался, интересно? Или это пресловутый «Небесный экспресс»? Я приоткрыл глаза и понял, что недавняя разбитость и озноб прошли, словно их и не было, а тело вполне повинуется моим приказам и не думает стонать от боли, хотя легкая слабость все еще ощущается. Порадовавшись этому открытию, я огляделся. Что можно сказать об обычном купе в спальном вагоне? Об обычном и говорить нечего, но вот конкретно это место к таковым не относилось.

За окном, судя по всему, если не ночь, то поздний вечер, и в «моем» купе темно. Не горит небольшой изящный плафон под потолком, а закрепленное у изголовья моей кровати бра только тускло мерцает хрустальным блеском стекла, когда проносящиеся за окном редкие фонари на мгновение озаряют купе оранжевым светом. Несмотря на это, я отчетливо вижу все до малейших деталей. Резко, контрастно, с угольно-черными тенями и почти неразличимыми цветами, скорее угадываемыми, нежели действительно видимыми. Купе оказалось гораздо больше привычных размеров, сплошь отделано деревом, с многочисленными то ли медными, то ли латунными деталями. У противоположной стены, меж двумя дверьми, под широким зеркалом в тяжелой раме, нашлось место небольшому креслу антикварного вида, в паре с маленьким круглым столиком, больше похожим на подставку для чашки кофе или бокала коньяка. А слева от меня еще одна дверь. Масивная, на всю высоту стены, она явно ведет в коридор вагона... Но туда мы пока не полезем. Сначала определимся с двумя другими.

Я осторожно сел в постели, спустил ноги на пол, и мои ступни ощутили мягкий шелковистый ворс ковра. Это что-то нереальное. Ездил я в поезде «Золотой Орел», не пожалел десяти косых евриков, но даже там, несмотря на все навороты, таких ковров не было! А уж хороший ковер от ширпотреба я отличу с закрытыми глазами, на ощупь. Нравятся они мне, особенно персидские...

Все же, не доверяя своим ногам, я шагнул вперед, едва не потеряв равновесие от плавного покачивания вагона, почти неощутимого, пока я лежал, и, опустившись на четвереньки, провел рукой по очень короткому ворсу ковра. Нет, это явно не «Исфахан», хоть и похож, или все же... Найдя край, провел по нему рукой, коснулся изнанки... Вот в такой позе меня и нашел давешний «доктор». Внезапно входная дверь скользнула в сторону, заливая купе леденцовым светом из коридора, и на пороге возникла худая фигура человека небольшого роста,

с тростью в руке. Черты лица, как и костюм, были неразличимы. Просто черный силуэт в дверном проеме.

— Молодой человек, что с вами? — Фигура метнулась ко мне, благо для этого и нужно было сделать всего пару шагов, но в этот момент поезд дернулся, лязгнули сцепки и поспешный шаг «доктора» превратился в неизящный полет утюга... прямо на мою несчастную тушку. Сдавленный мат с моей стороны и чертыхания доктора стали продолжением нашей беседы. Наконец, кое-как разобравшись, где чья конечность, мы расползлись в стороны. Я уместился на кровати, а мой визави, включив верхний свет в купе, удобно устроился в кресле, напротив.

— Прощу простить меня за неловкость, — повинулся «доктор».

Только сейчас я смог толком рассмотреть его и даже фыркнул от неожиданности. Настолько первое «слепое» впечатление оказалось правильным, особенно по поводу «даты розлива». Вытянутое лицо, тонкие черты, узкая бородка и пенсне, старомодный сюртук и часы в жилетном кармане. В общем, классический «доктор» конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Чем-то к тому же похожий на Антона Павловича Чехова. Или это из-за пенсне?

— Не стоит внимания, э-э-э... — протянул я.

— Грац, Меклен Францевич Грац, адъюнкт-профессор Хольмского университета, кафедра криминалистики и судебной медицины, — понял мою заминку собеседник и даже привстал, представляясь. Чудны дела твои, Господи! Куда же я попал? Что за Хольмский университет, что за адъюнкты такие?

— Очень приятно, господин профессор. — Я кое-как справился со своим удивлением и попытался, в свою очередь, подняться. Но Грац тут же кинулся ко мне, удержал, положив руку на плечо. Пришлось представляться сидя. — Виталий Родионович Старицкий. Бизнесмен.

— Хорошее имя. Vitalis — живой, на латыни. Вам подходит, Виталий Родионович, — улыбнулся профессор, снова умащиваясь в кресле. — А вот бизнесмен... это непонятно, уж извините. Вроде бы похоже на англо-норманский, но я, к сожалению, не специалист. Что это?

— А... — Вот тут я малость завис. Какой англо-норманский?! О чем он говорит?

— Виталий Родионович, с вами все в порядке? — забеспокоился Грац.

— Да-да. Вполне, — пробормотал я. — Просто слабость накатила.

— Ничего, бывает. Но на всякий случай примите вот эти пилюли. — Меклен Францевич выудил из кармана жилета небольшую

плоскую коробочку и, открыв, протянул мне. Внутри, на вошеной бумаге лежала пара желтоватых горошин.

— Что это? — осторожно поинтересовался я.

— О! Это всего лишь тонизирующее средство. То, что нужно ослабленному организму, для общего укрепления. Я, собственно, за этим к вам и шел. Берите-берите. Худого не посоветую.

— Ну что ж. — Я взял обе пилюли и решительно бросил их в рот. Кажется, они начали действовать, не успев упасть в желудок. По крайней мере, я почти сразу почувствовал себя намного уверенней, и, судя по тому, как довольно кивнул Грац, это не прошло незамеченным для профессора.

— Так о чем мы говорили? А... бизнесмен! — Профессор поерзал в кресле и обратил на меня вопросительный взгляд.

— Да. — Я вздохнул. — Бизнесмен, говоря просто: человек дела. Тот, кто ищет выгоды. В производстве, торговле или посредничестве, уже не так важно.

— Интересно. Первый раз слышу такое определение, — хмыкнул профессор. — Но все-таки чем же вы занимаетесь, Виталий Родионович?

— Занимался. В основном услугами различного рода, — уклончиво ответил я и уточнил в стиле того же времени, что так явно выглядывал из слов и вида профессора: — Так сказать, человек для особых поручений.

— О! — Господин Грац поправил пенсне и надолго замолчал. Несколько минут в купе был слышен только перестук колес да редкие лязги сцепки. Наконец я решил, что стражей порядка мы нарожали в достаточном количестве, так что пора и самому разузнать кое-что у господина адъюнкт-профессора.

— Меклен Францевич, не подскажите, как я здесь оказался и куда мы едем?

Профессор вынырнул из своих размышлений, несколько секунд рассматривал меня отрешенным взглядом. Но вскоре до него дошел смысл вопроса.

— А вы разве ничего не помните, Виталий Родионович? — осведомился профессор, смерив меня цепким взглядом.

— Знаете, я даже свою смерть помню, — вздохнул я. — А вот что было дальше, как отрезало.

— Все бы вам, молодым, шуточки шутить, — покачал головой профессор, — да в подпитии по раскопкам шляться. А они, между прочим, под защитой государя. Так-то, юноша.

Раскопки... подпитие... Государь? Юноша?! Это я-то? Нет, мне многие говорили, что я в свои тридцать похож на мальчишку. Но это больше характера касается... А здесь. Да тот же профессор от силы лет на пять меня старше!

— Хм. Меклен Францевич, верите ли, но никаких раскопок я не помню, — тихо проговорил я.

— А что помните?

— Жертвоприношение.

Глаза профессора округлились.

— Что-о?! — Грац вскочил, выглянул в коридор и тут же захлопнул дверь, напоследок сделав какой-то пасс рукой. Купе погрузилось в абсолютную тишину. Даже стука колес не стало слышно. Профессор, с абсолютно каменным лицом, повернулся ко мне и, облокотившись на стену, сухо приказал: — Рассказывайте.

Хрен с ней, с этой звукоизоляцией по мановению руки, перемены в поведении самого профессора удивили меня куда больше! И куда только подевался милый «доктор»? Тяжело вздохнув, я принялся рассказывать, как по заказу одного уважаемого человека ввязался в поиски его дочери, сбежавшей из-под присмотра папиных охранников. Поведал, как нашел возжелавшую приключений «золотую» девочку среди повернутых на мистике придурков, как впоследствии оказалось, сатанистов. Здесь мой собеседник недоуменно приподнял бровь, но прерывать рассказа не стал, и я продолжил повествование. Рассказал, как, отказавшись от быстрого решения (мешок на голову, и к папе под крыло), вошел в их круг, чтобы иметь возможность внимательно осмотреться и прикинуть возможные варианты действий, и как глупо прокололся перед беглянкой... которая, не пожелав возвращаться в отчий дом, сдала меня своим приятелям, «чтобы прочили этого идиота». Ну а те, недолго думая, решили подарить меня своему «повелителю», заодно и избавиться от свидетеля их, не таких уж невинных, забав. Вот интересно, а до этой юной дуры вообще дошло, что это была вовсе не игра?

Молча слушавший меня, профессор только костяшками пальцев хрустнул, когда я рассказывал ему, как мне вскрывали грудную клетку.

— А потом я очнулся здесь. И как я понимаю, это отнюдь не моя страна и даже не мой мир, хотя и тут говорят по-русски, — закончил я свой рассказ. — Если, конечно, мне это все не мерещится в предсмертном бреду.

— Виталий Родионович, вы меня чуть до апоплексического удара не довели. Я уж думал, у нас опять эта зараза с жертвопри-

ношениями появилась. Но идея насчет другого мира... Это вполне возможно. Насколько я знаю, ни наука, ни философия не отрицают возможности существования иных миров. М-да... Знаете, если бы я не видел шрам на вашей груди, сказал бы, что вы стали жертвой качественной иллюзии или были под воздействием галлюциногенов. Шрам, правда, выглядит так, словно рану вам нанесли минимум с полгода назад, но вот состояние тонких оболочек в данном случае говорит в вашу пользу... — задумчиво произнес профессор, вогнав меня в ступор.

— Тонкие оболочки?! Профессор, вы же ученый, неужели верите во всю эту ахинею?

— Вот как? — усмехнулся Грац, и над его рукой зажегся небольшой, но яркий огонек. — А это тоже «ахинея»?

— Е-е-п. — Я охренел.

— Вот так-то, Виталий Родионович. — Огонек над рукой моего визави погас, и он опустил в кресло. Усталое посмотрел на меня и заговорил: — Я приехал на Киевы горы по приглашению моего старинного приятеля — археолога, профессора Ренского. Свенельд Нискинич как раз собирался начать там раскопки, а мне было интересно приложить свои знания и методы в таком необычном деле. Вот в одном из раскопов мы вас и нашли. С вечера яма была пуста, а утром, глянули, лежит на обожженном камне человек. Голый. Пришлось мне вами заняться. Съездили в Киево городище, сняли в управе метрики по уезду, сверились. Нет такого. Я дал запрос в местную канцелярию. Пусто. Вывод? Надо везти вас в столицу и там уже разбираться. Заказал билеты до Хольмграда, и вот... Завтра уже будем в столице.

— Но зачем это вам? — не понял я.

— Как это «зачем»? — даже удивился Грац. — Обязан, по Уложению. К вашему сведению, по велению Святослава Ингваревича, батюшки-государя нашего, любые археологические исследования должно проводить только в присутствии чиновников от Особой канцелярии. И любые происшествия во время раскопок в их ведении. Вот я и есть тот чиновник. Собственно, потому приятель меня и звал в свою экспедицию, не хотелось ему с дуболомами местными вошкаться.

— Вы же говорили, что являетесь профессором Хольмского университета, — напомнил я, холодея от одной мысли, что сам, своим, неожиданно оказавшимся таким длинным языком, сдал себя в руки местной спецуре. А что еще могут обозвать Особой канцелярией?

— Именно так. Но поскольку моими заключениями пользуются при расследованиях, проводимых Особой канцелярией, я и был произведен в чин коллежского советника этого ведомства. Но за советом из канцелярии приходят не так уж часто, а чин при мне постоянно. Вот и пользуется Свенельд близким знакомством. Не любит он с местными властями работать. Уж больно, говорит, на руку нечисты, — пояснил Грац.

— Дела-а, — протянул я. — И что теперь со мной будет?

— Да ничего страшного, — отмахнулся спецпрофессор. — Сверим общие метрики и, ежели за вами, юноша, худых дел нет (а их, с учетом вашего рассказа, полагаю, и быть не может), выдадим паспорт. Устраивайтесь, живите. Только законов не нарушайте. А то идите учиться. С дипломом-то всяко сподручней на хлеб с маслом зарабатывать.

— Да ну! Что-то не верится. Неужели к пришельцу из другого мира возможно такое вот простое отношение? — ухмыльнулся я.

— А что, у вас не так? — удивился профессор.

— У нас по-всякому бывает. — Я вздохнул. — Вот только отчего-то среди народа бытует мнение, что даже если появится какое чудище пятиногое из иного мира, его тут же спецслужбы сцапают и на опыты пустят.

— В чем-то, конечно, народ прав, — покивал профессор и рассмеялся. — По крайней мере, я вас уже «сцапал», если, конечно, правильно понял слово «спецслужбы». Вот только не вижу смысла пускать вас на опыты. Вы же не чудище пятиногое. Обычный человек. С тем же успехом можно отправить на стол прозектора любого ваганта-философа.

— Почему именно философа? — Я не сдержал ответной улыбки. Слова профессора меня несколько успокоили.

— Ну голубчик, — развел руками Грац. — А где, по-вашему, люди должны обучаться обращению с тонкими оболочками и энергетикой, на уроках биологии?

— Эк. — Я опешил. — Получается, что любого человека таким фокусам с огоньком обучить можно?

— Было бы желание, — утвердительно кивнул Грац.

— Это что, я вслух, что ли, сказал? — пробормотал я, и профессор снова изобразил китайского болванчика.

— Хм. Побочное действие пилюли-говоруна. Уж извините, но мне нужна была ваша полная откровенность, — ни капли не смутившись, развел руками профессор и тут же протараторил, заметив, как изменилось выражение моего лица: — Зато теперь действительно нет

необходимости в долгих и нудных расследованиях. Вам же лучше, не так ли?

Ну профессор, ну кот ученый, гэбня кровавая, пицот мильёнов честно замученных! Или это из другой оперы? А, один черт! А я-то еще удивился, с чего бы на меня такая говорливость напала? Чуть по именам заказчика с дочкой не назвал. Да сроду за мной такого не водилось. А он, оказывается, мне местную сыворотку правды подсунул, «для оживляжу разговора»! И ведь не обидишься. Действовал-то он не из корыстных побуждений, а исключительно «на благо Родины». То есть обидеться-то можно. А смысл? Что мне это даст в нынешних, фиговых обстоятельствах?

— Виталий Родионович. — Грац, явно почувствовавший мое состояние, поднялся с кресла и всучил мне в руки открытый бумажник с укрепленной в нем бляхой в виде красного щита, на котором был изображен глаз под короной. Профессор вытянулся передо мной по стойке смирно, и лицо его при этом было абсолютно серьезно. — Я приношу вам извинения за свои действия. Но если вы посчитаете это недостаточным, я готов выйти на хольмганг по прибытии в столицу с любимым, угодным вам оружием или без оногo.

Если я правильно понял, господин профессор готов биться со мной на дуэли. Правда, насчет оружия, точнее его отсутствия, как-то недотумкал. Вроде бы дуэли всегда проводились на чем-нибудь остром или громко стреляющем. А вот без него... Смерив сухощавую фигуру профессора оценивающим взглядом, я вздохнул. Соплей такого, конечно, не перешибешь, но и на тренированного бойца господин Грац явно не тянет, как и меня не тянет начинать новую жизнь с избиения местного научного светила... А в том, что начинать новую жизнь придется обязательно, я уже не сомневался. Да и вообще лучше бы сохранить дружеские отношения с профессором. Все же я в здешних реалиях ни бум-бум, а устраиваться как-то нужно будет. В этом мой визави абсолютно прав, и помощь его может оказаться очень кстати, значит...

— Господин адьюнкт-профессор. — Я кое-как поднялся на ноги, оказавшись выше своего собеседника на целую голову, и даже попытался принять такой же строгий вид, как и у него. Впрочем, мне это не слишком-то удалось. Может, сказался тот факт, что я, в отличие от господина Граца, был не в сюртуке, а в шелковой пижаме? Ну и ладно. — Меклен Францевич, я принимаю ваши извинения, поскольку вы действовали не по собственной прихоти, но лишь по долгу службы. А посему я не считаю себя вправе требовать от вас сатисфакции.